

АКАДЕМИЯ НАУК ТАТАРСТАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. Ш.МАРДЖАНИ

И С Т О Р И Я
ТАТАР
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

В СЕМИ ТОМАХ

ТОМ II
**Волжская Булгария
и Великая Степь**

КАЗАНЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «РухИЛ»
2006

УДК 93/99
ББК 63.3
И89

Издание осуществлено на средства *Сухова Шарифчана Анвяровича* (Санкт-Петербург)
в память отца и матери – Суховых Анвяра Халимовича и Няйми Иззиятуловны

Научный совет издания:

<i>Васильев Дмитрий</i> (Россия, Институт востоковедения РАН)	<i>Крамаровский Марк</i> (Россия, Государственный Эрмитаж)
<i>Ваиари Иштван</i> (Венгрия, Будапештский университет)	<i>Кумекон Булат</i> (Казахстан, Международный центр кыпчаковедения)
<i>Геккеньян Хансгерд</i> (Германия, Гиссенский университет)	<i>Кычанов Евгений</i> (Россия, Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН)
<i>Гилязов Искандер</i> (Татарстан, Казанский государственный университет)	<i>Рашев Рашо</i> (Болгария, Шуменский филиал Института археологии Болгарской академии наук)
<i>Гмыря Людмила</i> (Дагестан, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН)	<i>Рорлих Айша</i> (США, Южнокалифорнийский университет)
<i>Девлет Надир</i> (Турция, университет Йедитепе)	<i>Стальсберг Анне</i> (Норвегия, Музей естественной истории и археологии, Норвежский университет науки и технологии)
<i>Зимоньи Иштван</i> (Венгрия, Сегедский университет)	<i>Трепавлов Вадим</i> (Россия, Институт российской истории РАН)
<i>Каппелер Андреас</i> (Австрия, Венский университет)	<i>Шамильоглу Юлай</i> (США, Висконсинский университет)
<i>Каишанов Сергей</i> (Россия, Институт всеобщей истории РАН)	<i>Шмидт Сигурд</i> (Россия, Археографическая комиссия РАН)
<i>Кемпер Михаэль</i> (Германия, Рурский университет)	
<i>Кляшторный Сергей</i> (Россия, Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН)	

Главные редакторы:

<i>Усманов Миркасым</i> (Казанский государственный университет)	<i>Хакимов Рафаэль</i> (Институт истории АНТ)
---	---

Редколлегия издания:

<i>Амирханов Равиль</i> (Институт истории АНТ)	<i>Трепавлов Вадим</i> (Институт российской истории РАН)
<i>Загидуллин Ильдус</i> (Институт истории АНТ)	<i>Хузин Фаяз</i> (Институт истории АНТ)
<i>Исхаков Дамир</i> (Институт истории АНТ)	<i>Шамильоглу Юлай</i> (Висконсинский университет)
<i>Кляшторный Сергей</i> (Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН)	

Редколлегия II тома:

<i>Фаяз Хузин</i> (ответственный редактор)	<i>Сергей Кляшторный</i>
<i>Ильдус Загидуллин</i> (зам. ответственного редактора)	

Редактор II тома *Булат Хамидуллин*
Издатель *Ильсияр Хайруллина*

ISBN 5-903099-01-7

© Институт истории им. Ш.Марджани АНТ, 2006
© Издательство «РухИЛ», 2006

ГЛАВА 1

Пермские и угорские народы

1. Население Вятско-Камского края в болгарское время

Сергей Белых, Леонид Макаров

Бассейн р. Чепцы в болгарскую эпоху

Согласно господствующему сегодня в археологии мнению, верхнее и среднее течение р. Чепцы (левого притока р. Вятки) было заселено земледельческим населением в конце V – первой половине VI в., т.е. еще до появления в Среднем Поволжье болгарских племен. Недавно А.Г.Ивановым было высказано предположение, что заселение верхней Чепцы могло начаться еще раньше, скорее всего, в конце IV – первой половине V в. [Иванов, 1999, с.36, 52].

В средневековой археологии бассейна Чепцы было принято выделять две последовательно сменяющие одна другую, генетически связанные, но все же различные археологические культуры: *поломскую* конца V – первой половины IX в. и *чепецкую* второй половины IX – XIII (XV) в. [Генинг, 1990, с.26; Семенов, 1982; Иванова, 1994; Голдина, 1999, с.342; Розенфельдт, 1987, и др.]. К настоящему времени обнаружено более двухсот памятников этих культур, хотя следует отметить, что степень изученности их различна.

В последние годы А.Г.Ивановым обстоятельно аргументируется и активно отстаивается точка зрения, согласно которой более правомерно говорить не о двух, а об одной культуре. По его мнению, вышеупомянутые поломская и чепецкая археологические культуры должны рассматриваться как два хронологических этапа единой культуры верхней и средней Чепцы V–XIII вв., которую предлагается именовать *поломско-чепецкой*. Для такого вывода имеются достаточно веские основания. Так, например, можно с уверенностью говорить, что не существует сколько-нибудь четкой хронологической границы между

поломской и чепецкой культурами; значительная часть поломских и чепецких памятников функционировали и в поломское, и в чепецкое время; отсутствуют какие бы то ни было данные, свидетельствующие о кардинальной смене населения в позднеполомско-раннечепецкое время. Напротив, памятники поломской и чепецкой археологических культур демонстрируют хронологическую, территориальную и культурную преемственность и потому действительно могут рассматриваться как два больших хронологических этапа одной культуры [Иванов, 1998, с.7, 14–15].

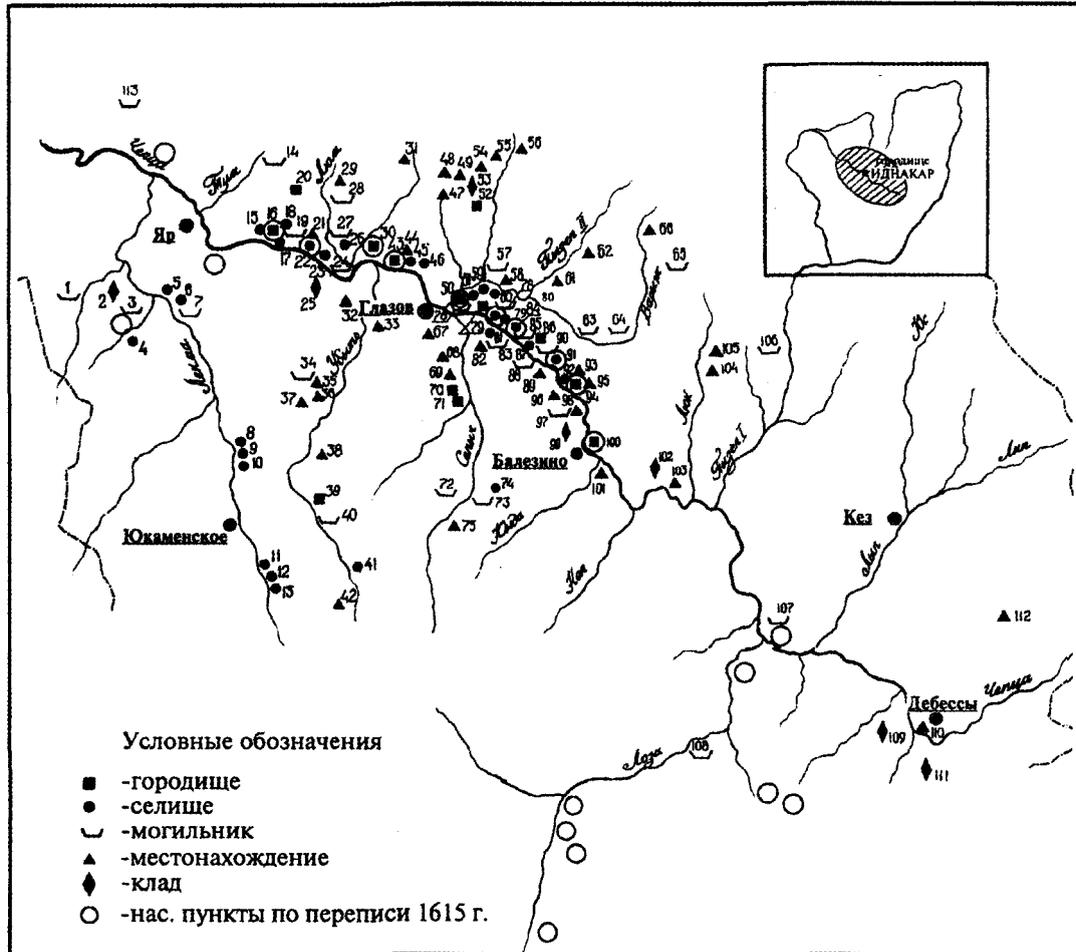
По мнению А.Г.Иванова и некоторых других исследователей, с самого начала в заселении бассейна Чепцы участвовало несколько культурных компонентов восточного и юго-восточного, прикамского происхождения: позднегладеновский, харинский, мазунинский. Переселенцы проникли в верхнее течение Чепцы из бассейна средней и верхней Камы через ее правые притоки (рр. Сиву, Очер и др.) [Иванов, 1998, с.42]. Р.Д.Голдина полагает, что на верхнюю Чепцу переселенцы попадали непосредственно с верховьев Камы (т.н. Зюздинского края, совр. Афанасьевский р-н Кировской обл.) [Голдина, 1987, с.17–18; 1999, с.364]. В середине – второй половине VI в. к переселенцам из Прикамья добавился еще и позднеазелинский (западный) компонент, проникший на верхнюю Чепцу с Вятки и низовьев Чепцы [Иванов, 1998, с.42]. Археологические материалы бассейна Чепцы V–VII вв. четко демонстрируют неоднородность и смешанность населения в культурном плане. В этот период на Чепце еще не появилось ни одного специфически чепецкого элемента культуры, и, вероятно, сама этническая общность чепецкого населения находилась в стадии формирования. Наиболее ранние известные памят-

ники культуры локализуются двумя группами в верховьях Чепцы на ее правобережье – в районе д. Варни Дебесского р-на и с. Полом Кезского р-на Удмуртской республики. Относительная бедность чепецких археологических материалов V–VII вв. не позволяет достаточно полно характеризовать хозяйственный уклад данного населения. Предположительно можно говорить о том, что основной хозяйства чепецкого населения в этот период были подсечно-огневое земледелие и скотоводство. Существенную роль в хозяйстве играли собирательство, охота и рыболовство. Поломско-чепецкому населению были известны черная и цветная металлургия, производство лепной керамики, обработка кости и дерева, ткачество, прядение и, вероятно, бортничество.

В VIII–IX вв. произошел значительный прирост населения на Чепце, что выразилось, во-первых, в увеличении количества памятников в районах первоначального расселения (на верхней Чепце), во-вторых, в постепенном продвижении чепецкого населения вниз по реке. Таким образом, в данный период начинается активное освоение среднего течения р. Чепцы. В конце этого периода начинают функционировать наиболее крупные городища полемско-чепецкой культуры с мощным культурным слоем, расположенные, главным образом, в среднем течении Чепцы: Гурьякар, Весьякар, Иднакар, Дондыкар, Учкаккар и др. Основой хозяйственного уклада чепецкого населения в этот период продолжает быть подсечно-огневое земледелие. Многочисленные находки костей домашних животных на памятниках этого времени свидетельствуют о развитом придомном животноводстве. Основными домашними животными были лошадь и крупный рогатый скот. По-видимому, разведение мелкого рогатого скота и особенно свиней на Чепце было не столь популярно, ибо костей этих животных обнаружено значительно меньше. Достаточно развитые земледелие и животноводство обеспечивали стабильное существование общества и поступательный прирост населения. Кроме этих двух основных видов хозяйственной деятельности, существенную роль в жизни чепецкого общества продолжали играть собиратель-

ство, охота и рыболовство. Намечается постепенное усиление роли промысла пушных зверей. На раскопанных поселениях этого времени кости пушных зверей составляют в среднем 50–70% всех костей диких животных. С развитием пушного промысла связано и распространение в VIII–IX вв. специальных тупоконечных наконечников стрел [там же, с. 64].

Период X–XIII вв. может рассматриваться как эпоха расцвета полемско-чепецкой культуры. В это время центром расселения чепецкой общности становится среднее течение Чепцы, где наблюдается наибольшая концентрация археологических памятников, в том числе и самых крупных городищ (см. выше). Эти городища археологи рассматривают как территориальные и ремесленно-торговые центры округи, которые во время военной опасности становились убежищами и оборонительными центрами местного населения, хотя нельзя упускать из вида и другую их очевидную функцию: они служили своего рода факториями, центрами аккумуляции пушнины, служившей средством обмена и, возможно, дани. Вокруг каждого из городищ группировались неукрепленные селища. Помимо среднего течения самой Чепцы, активно осваивались и ее средние притоки как по правому, так и по левому берегу. Заметные изменения произошли в хозяйственном укладе чепецкого населения в X–XIII вв. Наряду с подсечно-огневой формой земледелия все возрастающее значение начало играть пашенное земледелие на очищенных от леса землях. Чепецкое население в X–XIII вв. имело довольно развитое животноводство. В стаде преобладали лошади и крупный рогатый скот. Значительных успехов в этот период достигли цветная и черная металлургия чепецкого населения. Предполагается, что продукция литейного и кузнечного производств не только удовлетворяла местные потребности, но и могла выступать в качестве объекта торговли и натурального обмена. На чепецких городищах появилось собственное ювелирное производство из драгоценных металлов: серебряные гривны т.н. «глазовского типа», калачевидные серьги, височные подвески, украшенные зернью и сканью, и т.д.

Карта археологических памятников бассейна Чепцы конца IX – XIII в.:

1 – Тымпальский могильник; 2 – Тапшялудский клад, Уканское Поркар; 3 – Старозянкинский могильник; 4 – Старозянкинское селище; 5 – Уканское I селище; 6 – Уканское II селище; 7 – Меметовский II могильник; 8 – Ежевское I селище; 9 – Ежевское II селище; 10 – Ежевское III селище; 11 – Тылыское I селище; 12 – Тылыское II селище; 13 – Тылыское III селище; 14 – Тумский Бигершай могильник; 15 – Кушманское I селище; 16 – Кушманское Уччакар городище; 17 – Кушманское II селище; 18 – Кушманское III селище; 19 – Коповский Бигершай могильник; 20 – Комаровское Чибинькар городище; 21 – Жабинские находки; 22 – Жабинское I селище; 23 – Жабинское II селище; 24 – Жабинский Бигершай могильник; 25 – Карасевский клад; 26 – Печешурское селище; 27 – Печешурский могильник; 28 – Люмский Бигершай могильник; 29 – Верх-Люмские находки; 30 – Краснослудское Эбгакар городище; 31 – Дураковские находки; 32 – Чешошурские находки; 33 – Извильская находка; 34 – Кыпкинский могильник; 35 – Кыпкинская находка; 36 – Малоключевская находка; 37 – Тутбулатовская находка; 38 – Макшурская находка; 39 – Маловенижское Поркар городище; 40 – Маловенижский могильник; 41 – селище у д. Удмуртский Караул; 42 – Большепалкинская находка; 43 – Богатырское Утэмкар городище; 44 – Богатырские находки; 45 – Нижнебогатырское I селище; 46 – Нижнебогатырское II селище; 47 – Выльгуртское место находок керамики; 48 – Портыновское место находок керамики; 49 – Сораковские находки; 50 – Солдырское I Иднакар городище; 51 – Солдырское селище; 52 – Дондыкарское городище; 53 – Дондинский клад; 54 – Симпаловская находка; 55 – Шестнецкая находка; 56 – Пудвайская находка; 57 – Квалярский могильник; 58 – Поломское место находок керамики; 59 – Турайское I селище; 60 – Турайское II селище; 61 – Кортышевская находка; 62 – Макаровские находки; 63 – Чиргинский могильник; 64 – Карашурский могильник; 65 – Большеварыжский (Вужшай) могильник; 66 – Аверинская находка; 67 – Полингская находка; 68 – Лудошурские находки; 69 – Малолудошурские находки; 70 – Лудошурское I Сепычкар Малый городище; 71 – Лудошурское II Сепычкар Большой городище; 72 – Тат.-Парзинский могильник; 73 – Сепычевский (Эзетнюк) могильник; 74 – Гурдошурское селище;

75 – Саламатовская находка; 76 – Солдырский Чемшай могильник; 77 – Солдырское II Сабанчикар городище; 78 – Адамовский Бигершай могильник; 79 – Адамовское I селище; 80 – Адамовское II селище; 81 – Качкашурское селище; 82 – Качкашурские находки; 83 – Качкашурский могильник; 84 – Заболотновское Гопул Гурезь городище; 85 – Весьякарский Бигершай могильник; 86 – Весьякарское городище; 87 – Весьякарское селище; 88 – Омутницкий могильник; 89 – Омутницкое селище; 90 – Подборновский Вужшай могильник; 91 – Подборновское селище; 92 – Гординское Издын селище; 93 – Гординская находка; 94 – Гординское Гурьякар городище; 95 – Гординский камень; 96 – Почтошурская находка; 97 – Ягошурский Бигершай могильник; 98 – Ягошурские находки; 99 – Ягошурский (Кестымский) клад; 100 – Балезинское Узьякар городище; 101 – Балезинское место находок керамики; 102 – Буринский клад; 103 – Седьярские находки; 104 – Сазоновская находка; 105 – Коршуновские находки; 106 – Дырпинский могильник; 107 – Поломский могильник; 108 – Кушьянский могильник; 109 – Лесагуртский клад; 110 – Байгурезьское место находок керамики; 111 – Богдановский клад; 112 – Маломедлинская находка; 113 – Кузьминский могильник [Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века, 1999, с.213]

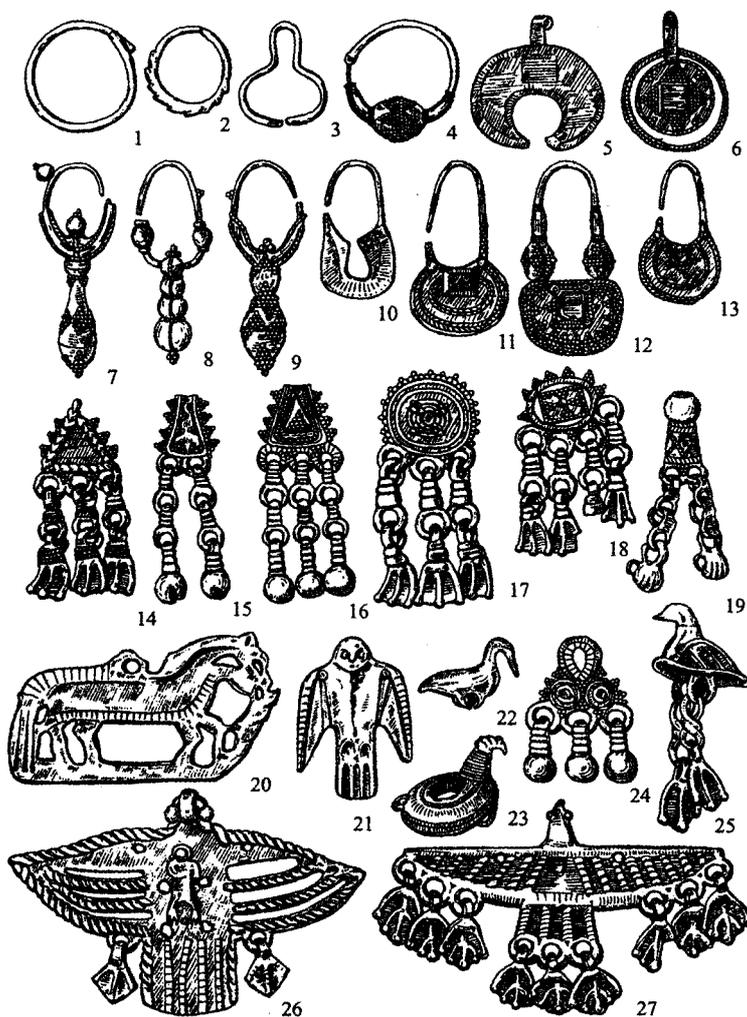
Важнейшим видом хозяйственной деятельности в X–XIII вв. становится охота на пушного зверя, ибо именно меха являлись основным товаром, который предлагало чепецкое население в торговом обмене с соседями. Естественно, основным потребителем их была Волжская Булгария, причем не исключено, что меха попадали туда путем сбора дани с местного населения, важную роль в этом и должны были играть чепецкие городища-фактории. Остеологический материал с поселений, датируемый этим периодом, однозначно свидетельствует о хищническом истреблении пушных животных, в особенности бобра, т.к. весьма значительную часть костных останков пушных животных составляют кости молодых неполовозрелых особей [Иванов, 1998, с.122]. Подобное скорее следует объяснять не обычной торговлей, а чрезвычайно обостренными потребностями в ней, возможно, и необходимостью выплаты дани.

Материалы археологических раскопок показывают, что в X–XIII вв. чепецкое население активно включается в торговый обмен и другие экономические взаимоотношения с соседями. Основным торгово-экономическим партнером чепецкого населения в этот период была Волжская Булгария. На археологических памятниках бассейна р. Чепцы этого времени обнаружено значительное количество предметов болгарского производства. Кроме того, в болгарском импорте в бассейн Чепцы заметную роль играли изделия арабского, персидского, византийского и другого (неболгарского) происхождения, т.е. Волжская Булгария была важнейшим звеном в транзитной торговле между странами Востока, Европы и лесной зоной Восточной Европы.

В чепецком археологическом материале X–XIII вв. в довольно большом количестве встречаются медные и серебряные монеты, чеканенные в Средней Азии, Персии, на арабском Востоке. В этот же период в бассейне Чепцы поступали византийская и восточная серебряная посуда и украшения из драгоценных металлов [там же, с.128–129]. Собственно болгарский импорт в археологическом материале представлен на Чепце ювелирными изделиями из серебра, часто с позолотой, которые обильно украшены сканью и зернью [там же, с.131–133]. Обнаружение на городище Иднакар отливки подобного украшения в поврежденной литейной форме [Иванова, 1992, с.75], а также литейной формы для производства подвесок болгарского типа на Кушманском городище [Иванова, 1976, с.105–106] является надежным свидетельством того, что часть ювелирных изделий болгарских типов могла изготавливаться на самой Чепце.

Среди других предметов импорта, которые в X–XIII вв. попадали на Чепцу из Волжской Булгарии или через болгарское посредство, можно назвать замки и ключи к ним, многочисленные бусы ближневосточного, среднеазиатского, византийского, древнерусского и другого происхождения [Иванова, 1992, с.48, 72], дорогие византийские и среднеазиатские ткани, иные изделия [Иванова, 1992; Иванов, 1998, с.135–136].

Весьма показателен факт, что на чепецких поселениях X–XIII вв. наряду с местной лепной посудой обнаружено значительное количество болгарской керамики. Особенно велика доля болгарской керамики в слоях XII–XIII вв. наиболее крупных городищ, таких, как Иднакар, Гурьякар и др. Так, например, в верхних слоях (XII–

Комплекс металлических украшений чепецких памятников: 1, 4, 7-13, 20-23 – серебро; 2, 3, 5, 6, 14-19, 24-27 – бронза. Памятники: Кузьминский могильник (1-6, 10-13, 19, 24-27); Варнинский могильник (7); Солдырский могильник (8); Маловенижский могильник (9); Кыпкинский могильник (15); Омутницкий могильник (14, 16, 17); городище Гурьякар (18); городище Иднакар (20); городище Уччакар (21); Качкашурский могильник (22, 23) [Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века, 1999, с.227]

XIII вв.) городища Иднакар доля болгарской керамики достигает 33,7% от всей найденной керамической посуды [Иванова, 1990, с.118-120]. Именно массовость находок болгарской посуды на крупных чепецких городищах позволила некоторым исследователям предположить, что в них могло проживать либо временно, либо даже постоянно болгарское население [Иванов, 1998, с.140]. Учитывая резко возросшую на Чепце в эту эпоху добычу пушного зверя, логично было бы предположить, что основную часть болгар, живших на Чепце, составляли торговцы, а возможно, и сборщики дани, учреждавшие здесь свои фак-

тории по скупке и сбору пушнины и других местных товаров.

В целом, есть все основания считать, что в X-XIII вв. верхняя и средняя Чепца, наряду с большей частью Камско-Вятского региона, находилась в сфере экономического, культурного и политического доминирования Волжской Булгарии и, вероятно, рассматривалась булгарами как северная периферия их государства, игравшая роль его сырьевого придатка, прежде всего, поставщика пушнины. Связи чепецкого населения с Волжской Булгарией были столь прочны, что даже после разгрома Булгарии монголами они не прекратились. В пользу

этого говорят, в частности, находки болгарских изделий на чепецких памятниках XIV в. [там же, с.141], а также обнаружение болгарского каменного надгробия с мусульманской эпитафией в д. Гордино (Гурьякар) Балезинского р-на Удмуртской республики, датированного 1323 г.

Вторым по интенсивности культурным и экономическим влиянием на чепецкое население следует признать славяно-русское воздействие. Наиболее ранние древнерусские вещи в археологическом материале бассейна Чепцы датируются XI–XII вв., что вполне согласуется с данными письменных источников о начале в этот период торгово-экономической и политической экспансии Великого Новгорода и древнерусских княжеств в районы Повычегодья, Прикамья и Урала. Первые древнерусские поселения на Средней Вятке появляются на рубеже XII–XIII вв. Характерно, что в материале XII–XIII вв. количество древнерусских предметов на чепецких памятниках резко возрастает. Основными предметами древнерусского импорта были украшения, ткани, разнообразная домашняя утварь и т.д. [там же, с.166]. Все эти вещи передавались жителям Чепцы в обмен на местные товары, в первую очередь, на пушнину. Характер взаимоотношений между обитателями Чепцы и вятским славянским населением в конце XII – XIII вв., по-видимому, колебался от мирных торговых связей до грабительских набегов со стороны вятчан.

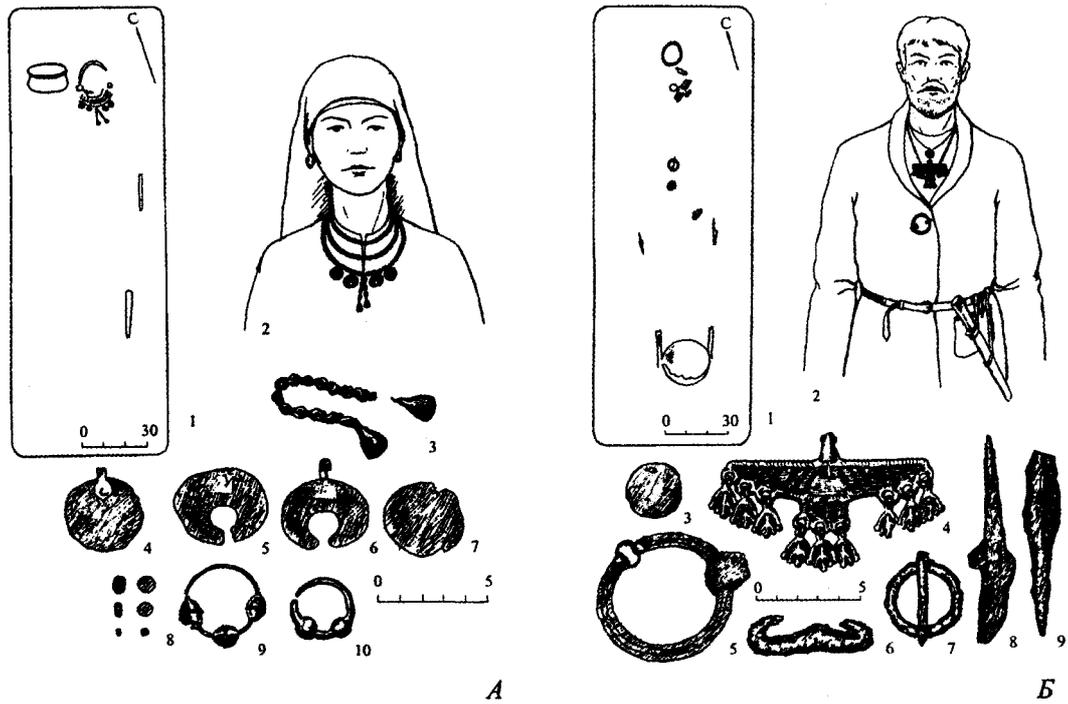
В то же время находки на чепецких памятниках древнерусской керамики (городище Иднакар), славянских языческих и православных культовых предметов могут, по мнению Л.Д.Макарова, свидетельствовать о появлении переселенцев-славян непосредственно в бассейне Чепцы. Эти находки говорят о превалировании мирных контактов между славянами и чепецким населением [Макаров, 1999, с.115–116; 2001а, с.22–38].

В XIII в. подавляющее большинство чепецких памятников прекращает функционировать. Причины этого практически все исследователи видят в драматических и трагических событиях, постигших народы и государства Восточной Европы в эпоху монгольского нашествия и основания Золотой Орды. Конкретные же причины гибели чепецкой культуры разными исследова-

телями видятся по-разному. Р.Д.Голдина, например, полагает, что чепецкие городища и другие поселения были сметены с лица земли самим татаро-монгольским нашествием [Голдина, 1999, с.374], чему фактических доказательств нет. А.Г.Иванов считает возможной причиной гибели чепецкой культуры походы вятчан на Чепцу в XIII–XIV вв. [Иванов, 1998, с.170]. Нельзя, однако, не заметить, что период угасания чепецкой культуры четко совпадает со временем монгольского разгрома Волжской Булгарии. Падение этого экономического и политического центра, связи с которым имели важнейшее значение и, весьма вероятно, были основой для развития чепецких городищ, естественно, могло и должно было привести к их гибели.

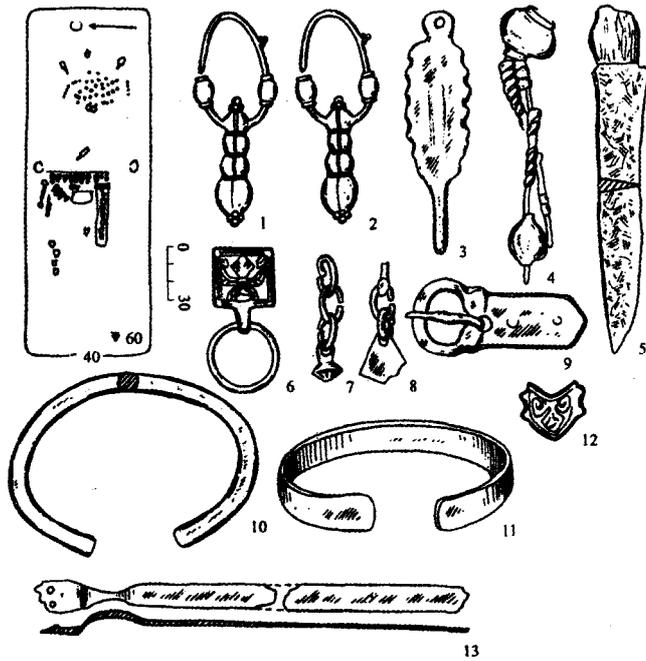
По мнению Р.Д.Голдиной, оставшаяся после нашествия часть чепецкого населения покинула бассейн Чепцы и переселилась на Верхнюю Каму (в Зюздинский край). В то же время она считает вероятным, что некоторое количество носителей чепецкой культуры не покинуло эту территорию, а сменило тип расселения, рассредоточившись небольшими группами в более отдаленных районах Чепецкого бассейна [Голдина, 1999, с.374–375]. Действительно, нельзя исключать некоторый отток населения со Средней и Верхней Чепцы в другие районы в XIII в., однако, следует полагать, что, по крайней мере, какая-то часть носителей полемско-чепецкой археологической культуры не покинула бассейн Чепцы, а лишь оставила прежние городища и другие постоянные поселения, ставшие в условиях отсутствия стабилизирующей болгарской силы слишком легкой добычей для разного рода захватчиков и грабителей. Можно предположить, что жители Верхней и Средней Чепцы, рассредоточившись, стали жить небольшими группами, разбросанными по более удаленным и укромным районам Чепецкого бассейна. Главным хозяйственным занятием этих людей стало подсечно-огневое земледелие, и посему они должны были часто переселяться из одного района в другой, постоянно меняя места своих сельскохозяйственных угодий и поселений.

Прекращение существования и функционирования большинства чепецких памят-

A

Б

13

B

Варианты реконструкции костюмов по материалам чепецких могильников:
 А – Кузьминский, погр.91; Б – Кузьминский, погр.133; В – Солдырский, погр.13
 [Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века, 1999, с.230]

ников в XIII в. было, таким образом, следствием разорения Волго-Уралья, прежде всего Волжской Булгарии, монгольским нашествием. Падение Волжской Булгарии означало конец периода относительной политической стабильности в Волго-Уральском регионе, ибо это государство было, по сути дела, важнейшим политическим, экономическим и культурным центром региона, существование и благополучие которого обеспечивало стабильность развития и благополучие всего Волго-Уралья в целом. Симптоматичен в этой связи тот факт, что своего наивысшего подъема и расцвета культура чепецкого населения достигает именно в период подъема и расцвета Волжской Булгарии, т.е. в X–XIII вв., а прекращает свое существование практически одновременно с падением этого государства.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об этнической принадлежности полумско-чепецкого населения. Хотя он остается дискуссионным, все же можно констатировать, что большинство исследователей, занимающихся изучением средневековой археологии Камско-Вятского региона, склоняется к определению этнической принадлежности носителей полумско-чепецкой археологической культуры как пермской, т.е. полумско-чепецкое население рассматривается ими в языковом и этническом плане как родственное и, возможно, имеющее прямое отношение к современным удмуртам и коми [Генинг, 1967; Голдина, 1987; 1999; Семенов, 1989; Иванова, 1989; 1994 и др.]. Предположение, выдвинутое А.Х.Халиковым, о «древнетюркской» этнической принадлежности носителей полумской и ломоватовской культур [Халиков, 1989, с.48] не нашло поддержки у большинства его коллег по причине недостаточной аргументированности [Belykh, 2002, p.35–36].

Необходимо особо отметить, что надежная этническая идентификация носителей тех или иных археологических культур с опорой исключительно на археологические материалы, как правило, затруднительна, а порой и просто невозможна. Гораздо более убедительными бывают результаты исследования этнической истории различных регионов и этнической принадлежности носителей различных археологических культур, основанные на комплексном подходе с использованием данных,

выводов и достижений нескольких дисциплин: археологии, лингвистики, этнологии, физической антропологии и др. Подобное исследование некоторых аспектов этнической истории Волго-Уралья, касающееся в том числе и этнической идентификации полумско-чепецкого населения, было относительно недавно предпринято С.К.Белых [1999; Belykh, 2002].

Основываясь на комплексном анализе материалов и выводов археологии, сравнительно-исторического языкознания и лингвистической палеонтологии, С.К.Белых локализовал прародину пермян в Среднем Прикамье и пришел к заключению о том, что среди сформировавшихся в Прикамье в постананьинское время археологических культур с наибольшей вероятностью с общностью *эндопермян*, т.е. прямых языковых и этнических предков современных удмуртов и коми, может быть связана *гляденовская* археологическая культура (III в. до н.э. – V в. н.э.) Среднего и Верхнего Прикамья, а также генетически связанные с ней и происходящие от нее *полумская* (на р. Чепце), *ломоватовская* (на Верхней Каме) и *неволинская* (в бассейне р. Сылвы) культуры V–IX вв. Близость трех последних культур, наряду с некоторыми данными пермского языкознания, позволяет заключить, что и в полумско-ломоватовскую эпоху распада прапермской этноязыковой общности еще не произошло. Тем не менее возможно и даже вполне вероятно в этот период начало этнокультурной и языковой дифференциации различных частей прапермского массива, вызванной постепенным расширением территории расселения эндопермян, а также их контактами с различными соседними этническими группами и различными суб- и суперстратными компонентами, участвовавшими в формировании тех или иных прапермских племенных групп.

С приходом в Среднее Поволжье ранних булгар и последующим сложением первого в регионе государственного образования – Волжской Булгарии в жизни прикамских пермян произошли очень важные для их дальнейшей истории события. В период VIII–X вв. многие группы пермян мигрировали на значительные расстояния от своей исторической родины. Видимо, именно в это время часть эндопермян переместилась в бассейн Вычегды и некоторые сопредельные районы, где в X–XI вв. сло-

жила культура Перми Вычегодской (вымская археологическая культура). Эта часть прапермского населения послужила в дальнейшем основой для формирования коми-зырян. Другая часть эндопермских родоплеменных групп, возможно, под болгарским принуждением или иным воздействием, переселилась на Нижнюю Каму, Нижнюю и Среднюю Вятку. Смещение и многовековое взаимодействие этой части эндопермян с местным постазелинским и другим населением привели в итоге к формированию удмуртского народа. Оставшиеся на Верхней Каме эндопермяне, создавшие родановскую археологическую культуру X–XV вв., послужили основой для формирования коми-пермяцкого народа.

Следует полагать, что потомки полемско-чепецкого населения сыграли существенную роль в формировании удмуртской народности, в особенности ее северной (чепецкой) субэтнической группы. В противном случае трудно объяснить тот факт, что вплоть до рубежа XIX–XX вв. у северных удмуртов были широко распространены героические предания о богатырях Донды, Идна, Гурья, Весья и др., в которых эти имена напрямую связывались с названиями деревень, рядом с которыми обнаружены средневековые городища полемско-чепецкого времени – Дондыкар, Иднакар, Гурьякар, Весьякар и т.д.

В то же время важно отметить, что именовать чепецкое население V–XIII вв. удмуртами, как это делают некоторые исследователи, все же нельзя. Во-первых, нам неизвестно самоназвание этого населения, мы не знаем, называли ли эти люди себя «удмуртами». Во-вторых, между финалом чепецкой культуры (XIII в.) и первыми письменными упоминаниями об удмуртах на Чепце (XVI в.) имеется значительный временной пробел – около 300 лет, очень слабо заполненный археологическими памятниками. Поэтому археологически невозможно проследить непосредственную связь между полемско-чепецкой археологической культурой и северными удмуртами.

Здесь нужно особо заметить, что механический перенос в прошлое современной этнонимической номенклатуры, а именно применение названий современных народов для обозначения носителей тех или иных археологических культур является

довольно распространенной методологической ошибкой. В данном случае речь идет о том, что сплошь и рядом носителей полемской и чепецкой культур именуют удмуртами, а иногда – коми-пермяками. Иначе, как методологически некорректным, этот прием назвать нельзя. Вернее и корректнее в этом конкретном случае говорить о том, что потомки носителей полемско-чепецкой археологической культуры сыграли определенную роль в формировании северной (чепецкой) группы удмуртов и потому являются предками северных удмуртов.

Юг Камско-Вятского междуречья в домонгольскую эпоху

Раннесредневековые археологические памятники юга Камско-Вятского междуречья, обнаруженные, главным образом, в южной части Удмуртской республики и некоторых сопредельных районах Татарстана, объединяются Т.К.Ютиной, Р.Д.Голдиной и некоторыми другими исследователями в особую *верхнеутчанскую* археологическую культуру VI–IX вв. На сегодняшний день известно около 100 таких памятников и располагаются они в основном по правым притокам Камы – рр. Ижу, Тойме и др., а также в верховьях р. Валы, левого притока Кильмези [Ютина 1994, с.14; Голдина 1987, с.20; 1999, с.283]. Впрочем, многие археологи обоснованно возражают против выделения особой верхнеутчанской культуры и характеризуют данные памятники как оставленные разнородным в культурном и, вероятно, в этническом отношении населением (см.: [Останина, 1997, с.179]).

Памятники этого же региона, датируемые X–XIV вв., Р.Д.Голдина объединяет под названием *чумойтлинская* археологическая культура [Голдина 1999, с.297]. В то же время она вынуждена признать, что самих этих памятников пока что обнаружено очень немного и исследованы они еще явно недостаточно. Все это также заставляет усомниться в правомерности или, по крайней мере, своевременности выделения особой чумойтлинской культуры.

Как уже отмечалось выше, археологический материал VI–IX вв. (верхнеутчанская культура, по Т.К.Ютиной и Р.Д.Голдиной) ярко демонстрирует крайнюю свою разнородность и многокомпонентность.

Особенно хорошо это видно на примере керамики. Т.К.Ютина и Р.Д.Голдина выделяют несколько комплексов глиняной посуды: «*собственно верхнеутчанский*», являющийся, по сути, продолжением мазунинской керамической традиции; *бахмутинский*, проникший на правобережье нижней Камы с территории Башкирии в VI в.; *именьковский*, проникший из районов Среднего Поволжья и низовьев Камы и оставивший многочисленные следы на 14 памятниках; *кушнаренокский*, выдвинувшийся из бассейна р. Белой и обнаруженный на 9 памятниках в юго-восточной части «верхнеутчанского» ареала [Ютина, 1994, с.9–10; Голдина, 1999, с.285–290]. Важно заметить, что в каждом конкретном случае речь идет не о единичных, а о массовых находках. Это обстоятельство позволило Р.Д.Голдиной заключить, что бахмутинская, именьковская и кушнаренокская керамика проникала на юг Камско-Вятского междуречья вместе с носителями соответственно бахмутинской, именьковской и кушнаренокской археологических культур [Голдина, 1999, с.285, 289].

Археологические материалы средневековых памятников юга Удмуртии свидетельствуют, что оставившее их население занималось земледелием, скотоводством, охотой, рыболовством. Ему были известны кузнечное дело, бронзолитейное производство, деревообработка и другие виды хозяйственной деятельности. Основой хозяйства, по всей видимости, было подсечно-огневое земледелие, роль которого постепенно усиливалась. Важнейшими сельскохозяйственными культурами в Прикамье и на Вятке еще в первой половине I тыс. н.э. стали полба, просо, ячмень, конопля. С появлением в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье пришлого населения, оставившего памятники *именьковской* археологической культуры (IV–VII вв.), связано распространение в бассейнах Камы и Вятки новых сельскохозяйственных культур: пшеницы, ржи, овса и гороха. Средневековое скотоводство Вятско-Камского региона было представлено разведением крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, свиней. И здесь именьковское влияние сыграло заметную роль в улучшении породы домашних животных. По всей видимости, именно от именьковцев туземное население Прикамья заимствовало и домашнюю кошку [там же, с.254–256]. Именьковское куль-

турное влияние благотворно отразилось также и на развитии кузнечного и бронзолитейного производства местного населения [там же, с.289].

В эпоху появления болгар в Среднем Поволжье (VIII в.) и сложения первого в Волго-Уральском регионе государственного образования – Волжской Булгарии (рубеж IX–X вв.) в нижнекамском районе происходят значительные перемены. К уже достаточно пестрому в культурном и, вероятно, этническом плане населению бассейна нижней Камы в VIII–X вв. прибавляется еще один компонент. Археологи отмечают, что в эту эпоху на нижней Каме и некоторых сопредельных районах появляются элементы материальной культуры, присущие более северному населению – носителям ломовско-чепецкой, ломоватовской и неволинской археологических культур. Приток этого населения на территорию Волжской Булгарии и в соседние с ней районы был столь значительным, что на некоторых раннебулгарских памятниках керамика ломовско-ломоватовского типа количественно преобладает над собственно булгарской [Хлебникова, 1984, с.223–224]. Основываясь на анализе вещевого материала данных раннебулгарских памятников, А.М.Белавин пришел к заключению о том, что «основой прикамских племен, переселявшихся на территорию будущей Волжской Булгарии, были неволинские племена» [Белавин, 1990, с.125–126]. Вещевой материал памятников южной Удмуртии X–XIV вв. наглядно демонстрирует приток части верхнекамско-чепецкого населения и в этот регион [Голдина, 1999, с.303–304].

О причинах переселения части носителей культур ломоватовского круга на юг и юго-запад мы пока что можем только догадываться. В одной из своих работ В.А.Иванов осторожно намекает на возможную связь этой миграции с необходимостью для формирующегося Булгарского государства укреплять свою экономическую и политическую мощь за счет притока населения со стороны [Иванов, 1990, с.115]. Р.Д.Голдина, высказав сомнения, что данное переселение было добровольным, видит его возможную причину в том, что «кочевники-булгары, оказавшись в новых географических условиях лесостепи, нуждались в рабочей силе для обеспечения себя продуктами питания и предпри-

няли несколько попыток переселения пермского населения: сначала с южной части ломоватовской культуры (вторая половина VIII в.), затем повторная волна с этой же территории и с побережья р. Чепцы (вторая половина IX в.), из кунгурской лесостепи (IX в.)» [Голдина, 1999, с.295].

В.Ф.Генинг и вслед за ним А.Г.Иванов считают возможным предположить, что полоумско-ломоватовско-неволинское население насильственно выводилось булгарами со своей первоначальной территории во время набегов на чепецкие, верхнекамские и сылвинские земли [Генинг, 1988, с.222; 1989, с.13; Иванов, 1997, с.15; 1998, с.108].

По мнению Л.Д.Макарова, одной из причин миграции чепецко-верхнекамского населения могли быть демографические проблемы, т.е. определенная перенаселенность бассейнов Чепцы, Верхней Камы и Сылвы, совпавшая по времени с уходом из района Нижней Камы именьковского населения на запад. В такой ситуации освободившиеся довольно плодородные земли могли охотно занимать переселенцами с Чепцы, верхней Камы и Сылвы. При этом булгарам было совершенно необязательно прибегать к насилию, достаточно было лишь известить об освободившихся земельных угодьях северных соседей, и последние могли вполне добровольно переехать на новые земли.

Такого рода предположения выглядят вполне правдоподобными, т.к. совершенно очевидно, что недавние кочевники – болгары в ходе строительства своего нового государства нуждались в оседлом земледельческом населении, достаточно многочисленном и способном стать одной из важных экономических и социальных опор государства. В свою очередь, верхнекамско-чепецкое население могло видеть в нарождающемся Булгарском государстве торгового партнера, защитника от набегов враждебных соседей и гаранта политической стабильности в регионе, потому вполне могло считать для себя более выгодным селиться в непосредственной близости от городских центров. В независимости от того, было ли данное переселение добровольным или насильственным, в любом случае невозможно совершенно отрицать связь между появлением в Среднем Поволжье болгар и становлением их государ-

ственности с упомянутыми миграциями чепецко-верхнекамского населения.

По данным Р.Д.Голдиной, среди «чумойтлинской» керамики обнаружено некоторое количество болгарской посуды, что может свидетельствовать о торговых контактах местного населения с Волжской Булгарией. Однако археологический материал «чумойтлинской» культуры в силу своей слабой изученности не позволяет пока говорить о наличии в этом регионе в данную эпоху болгарских торговых факторий или других постоянных поселений, в то время как такие фактории имелись на Чепце и верхней Каме [Иванов, 1998, с.140; Белавин, 1991, с.9–10]. В качестве возможного объяснения этому факту можно также выдвинуть предположение, что волжские булгары и не нуждались в такого рода постоянных поселениях в южной части Камско-Вятского междуречья, ибо этот район находился в непосредственной близости от основной территории государства, в отличие от более удаленных верхнекамского и чепецкого районов.

Не вызывает сомнений, что в большинстве случаев предметы роскоши, серебряная утварь, украшения, монеты и другие предметы импорта из Византии, Северного Причерноморья, Сирии, Кавказа, Средней Азии и других регионов, обнаруженные на средневековых поселениях и могильниках Прикамья уже с IX–X вв., попадали сюда через болгарское посредство.

Культурное и экономическое воздействие булгар на коренное население Прикамья не ограничивалось лишь торговлей. Ощутимым было и растущее болгарское влияние на развитие местного земледелия. Через болгарское посредство, вероятно, местному населению стали известны такие сельскохозяйственные культуры, как гречиха, вика, лен, чечевица, редька, репа, лук, яблоко и др. Важнейшую роль сыграло болгарское культурное влияние в распространении в Прикамье на рубеже I–II тыс. пашенной формы земледелия [Голдина, 1999, с.379].

Не вполне ясным остается вопрос об этнической принадлежности населения юга Камско-Вятского междуречья в VI–XIV вв. – носителей «верхнеутчанской» и «чумойтлинской» археологических культур. Несмотря на явную этнокультурную пестроту населения данного региона, Р.Д.Голдина считает возможным полагать, что ос-

новная часть этого населения была пермской, а его потомки сыграли важную роль в сложении южной группы удмуртов [там же, с.304–306].

В то же время следует заметить, что между самыми поздними «чумойтлинскими» (не позднее XIV в.) и собственно южноудмуртскими памятниками (с XVII в.) существует временной разрыв длительностью около трех столетий. Данное обстоятельство затрудняет провозглашение прямой и непосредственной преемственности между носителями «верхнеутчанской» и «чумойтлинской» культур и южными удмуртами.

В целом, археологические материалы свидетельствуют о том, что в эпоху раннего и развитого средневековья южная часть Камско-Вятского междуречья была своеобразной контактной зоной, в которой проживали и взаимодействовали между собой самые различные в этническом и культурном отношении группы населения. Весьма вероятно, что среди этих групп были и пермоязычные. С.К.Белых [1999, с.270] полагает, что в населении, оставившем данные памятники, можно видеть *парапермские* группы, т.е. те пермские по языку группировки, что не оставили прямых языковых потомков, а рано отделившись в культурном и языковом отношении от *эндопермян* (см. ниже), были впоследствии ассимилированы либо последними, либо каким-то другим родственным или неродственным по языку населением, а также, возможно, *экзопермские* группы, т.е. те пермоязычные изначально группы, которые в конце концов усвоили пермскую речь и составили еще один важный компонент в истории пермской общности.

На рубеже I и II тыс. на эти парапермские, экзопермские и прочие группы населения наложился еще и пришлый чепецко-верхнекамский компонент, в носителях которого С.К.Белых предлагает видеть *эндопермян*, т.е. прямых языковых и этнических предков современных удмуртов, коми-зырян и коми-пермяков, послуживших основой для формирования трех этих пермских народов [там же, с.271–272]. Детали взаимодействия этих компонентов между собой пока еще не ясны, однако, можно резюмировать, что в результате этого процесса к XVII в. в основном сложились группы удмуртов, населяющих южные районы

Удмуртии и северо-восточные районы Республики Татарстан.

Бассейн Вятки в домонгольскую эпоху

Совокупность археологических памятников бассейна средней и нижней Вятки, верховьев Большой и Малой Кокшаги, а также Ветлуги второй половины I тыс. в последнее время выделяется Р.Д.Голдиной в качестве самостоятельной *еманаевской* археологической культуры VI–IX вв. [Голдина, 1987, с.22–23; 1999, с.311]. Принято считать, что по своей сути еманаевская культура является прямым продолжением *азелинской* (III–V вв.), выделенной на Вятке еще в 1960–1970-е гг. В.Ф.Генингом [1963; 1970]. Несколько позже Р.Д.Голдина значительно расширила временные рамки этой последней культуры и предложила именовать ее *худяковской* II в. до н.э. – V в. н.э. [Голдина, 1987, с.13–14; 1999, с.227].

Памятники, обнаруженные на средней и нижней Вятке X–XIII вв. объединяются Р.Д.Голдиной в рамках *кочергинской* археологической культуры, которую исследователь считает преемницей предшествующей еманаевской. По ее данным, в эту эпоху продолжала функционировать значительная часть городищ и других памятников еманаевского времени, однако их юго-западная часть пришла в запустение [Голдина, 1999, с.325]. Последний факт может рассматриваться как свидетельство притока нового населения в Вятско-Ветлужское междуречье и начала серьезных изменений в этническом составе населения региона на рубеже I–II тыс. (см. ниже).

Основные особенности хозяйственного уклада населения средней и нижней Вятки, а также Вятско-Ветлужского междуречья эпохи раннего и развитого средневековья начали формироваться еще в первой половине I тыс. н.э., в эпоху *худяковской* археологической культуры (по Р.Д.Голдиной). Именно в этот период, в частности, лидирующее положение в качестве сырья для изготовления орудий труда и оружия заняло железо, а бронза стала использоваться, как правило, в производстве украшений. Среди исследователей археологии данного региона (Р.Д.Голдина, Н.А.Лещинская, Л.Д.Макаров, С.Е.Перовщиков и др.) бытует мнение, что в эту эпоху на Вятке

металлообработка становится высокоспециализированным ремеслом. Об этом, по их мнению, свидетельствуют материалы вятских поселений и могильников первой половины I тыс. н.э. Так, например, на Буйском городище в яме II–III вв. был обнаружен клад железных и бронзовых вещей, включающий 186 железных мотыг, 9 железных наконечников копий и 6 бронзовых гривен, что может свидетельствовать о начале массового производства данных предметов для дальнейшей продажи или обмена. О выделении металлообработки в специализированную и весьма востребованную отрасль ремесла свидетельствует обнаружение на нескольких могильниках особых погребений кузнецов и литейщиков [Голдина, 1999, с.254–255; Перевощиков, 2002, с.34–35].

Находки железных топоров, мотыг, пестов-терочников, каменных жерновов, остатков зернового материала, известные в бассейне Вятки этого времени, демонстрируют возросшую роль земледелия, которое, по всей видимости, носило подсечно-огневой характер. Основными сельскохозяйственными культурами в первой половине I тыс. на Вятке были полба, просо, ячмень, конопля. В то же время хозяйство вятского населения продолжало оставаться комплексным, наряду с земледелием значительную роль играло скотоводство с разведением лошади, крупного и мелкого рогатого скота, свиней, сохраняли свое значение охота (прежде всего, специализированная на пушного зверя – соболя, куницу, белку, бобра), рыболовство и собирательство [Голдина, 1999, с.255–256].

Процессы поступательного хозяйственного развития в Вятском бассейне еще более усилились в период раннего средневековья. Во многом это ускоренное развитие связано с мощным культурным влиянием, оказывавшимся на туземное население Волго-Камья в целом, и населения бассейна р. Вятки, в частности, пришлыми группами, оставившими в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье памятники *именьковской* археологической культуры IV–VII вв. Известно, что именно именьковцы в дополнении к традиционным сельскохозяйственным культурам принесли в Прикамье новые высокоурожайные виды и сорта злаков – пшеницу, рожь, овес, а также горох. Именьковцы также впервые занесли в Прикамье новый прогрессивный способ обра-

ботки земли – пашенное земледелие. Заметным было и именьковское воздействие на хозяйство вятского населения в области животноводства – у них население Вятского бассейна заимствовало более продуктивные и рослые породы скота [там же, с.379–380].

Интересно соотношение домашних животных в стаде населения раннесредневековой Вятки, выявляемое по результатам археологических раскопок. Так, на Еманаевском городище VII–X вв. зафиксировано абсолютное преобладание домашней свиньи (58,8% особей), гораздо меньше разводили коров (15,7%), лошадей и мелкий рогатый скот (по 11,8%) [Лещинская, 1988, с.103–104; Голдина, 1999, с.380]. Эти данные разительно отличаются от соответствующих показателей чепецких поселений, где явно преобладало разведение коров (около 48%) и лошадей (более 31,4%), а мелкого рогатого скота и особенно свиней было гораздо меньше (около 14,5% и чуть более 2% соответственно) [Голдина, 1999, с.380]. Улучшение породности скота было связано, вероятно, не только с именьковским, но и более поздним болгарским влиянием, а также со стихийно проводившейся селекционной работой. Из прочих домашних животных местному населению в средние века были известны кошка, собака, домашняя птица (куры и гуси).

Значительную роль в хозяйстве еманаевско-кочергинского населения играла охота. Активно добывались лось, северный олень, бобр, косуля, медведь [Лещинская, 1988, с.103–104]. Практиковалась также и охота на диких птиц: уток, гусей, глухарей, тетеревов, рябчиков и др. О развитом рыболовстве говорят находки здесь рыболовной снасти (крючков, блесен), костей и чешуи рыб [Голдина, 1999, с.381].

Продолжало развиваться ремесленное производство еманаевско-кочергинского населения. В раннем средневековье на Вятке возникают специализированные поселки ремесленников, одним из которых было Еманаевское городище (VII–X вв.). Здесь на сравнительно небольшой площадке (1500 кв. м) обнаружено два сооружения, имевших приблизительно площадь по 100 кв. м, на которых концентрировались остатки металлообрабатывающих комплексов: кострища, куски глиняной обмазки, шлаки, многочисленные металлические

обломки (655 шт.), множество целых льячек для разлива цветного металла (67 шт.), 221 фрагмент и 29 целых тиглей, литейные формы, обломок глиняного сопла, инструменты и готовые металлические изделия [Макаров, 1978, с.22–23; Лещинская, 1988, с.79–107]. Анализ черного металла городища показал довольно высокий уровень его проковки, выявлено использование кузнецами сложных сварных технологий, в частности, трехслойного пакета, а также целенаправленное применение термообработки. В обработке металлов наблюдается большое сходство с технологией именьковцев, что может говорить о наличии устойчивых связей вятского населения с Нижним Прикамьем [Перевощиков, 2002, с.66–71]. Следы бронзолитейного производства обнаружены на Вихаревском селище [Лещинская, 1984, с.41–43]. Отмечены также признаки развитых деревообрабатывающего и косторезного ремесел.

Дальнейшее развитие получили прямые и опосредованные торговые связи вятского населения как с соседними регионами (бассейном Чепцы, Верхней Камой, Вычегодским краем, Поволжьем, Марийским Поволжьем), так и с более удаленными землями (Верхним Поволжьем, Приладожьем, Белозерьем, Прибалтикой, Поднепровьем, Северным Причерноморьем, Кавказом и др.) [Голдина, 1999, с.384–393]. С рубежа I–II тыс. одним из важнейших торговых партнеров для населения бассейна Вятки становится Волжская Булгария.

Предполагается, что в данную эпоху углублялась социальная дифференциация населения Вятского бассейна, особенно усилившаяся после IX в., когда по соседству с этим краем возникли государственные образования с развитой классовой структурой – Волжская Булгария и Киевская Русь.

В 1960–1980-е гг. среди исследователей истории народов Волго-Камья велась довольно оживленная дискуссия об этнической принадлежности памятников азелинского и постазелинского (еманаевско-кочергинского) круга. Часть ученых рассматривала эти памятники как древнемарийские [Архипов, 1973; Халиков, 1976; 1989, и др.], другая часть считала носителей этих культур пермянами – предками удмуртов [Генинг, 1967; Козлова, 1978, с.45–46; Голдина, 1987]. Сравнительно недавно Т.Б.Никитиной была обстоятельно сформулирована и аргументирована кон-

цепция, согласно которой вплоть до второй половины I тыс. предки марийцев заселяли земли в Ветлужско-Волго-Окском междуречье, т.е. юго-западнее территории проживания современных марийцев. Однако во второй половине I тыс. они проникли в Вятско-Ветлужское междуречье и постепенно продвигались все далее на восток. В Вятско-Ветлужском междуречье предки марийцев вступили в контакт с местным древнепермским (постазелинским) населением и стали вытеснять его к востоку и частично ассимилировать. Свидетельством взаимодействия между предками марийцев и постазелинцами является, по мнению Т.Б.Никитиной, смешанный характер вещевого материала некоторых памятников Вятско-Ветлужского междуречья рубежа I–II тыс. [Никитина, 1996; 2002]. Как следствие процесса постепенного вытеснения постазелинского населения прамарийцами из Вятско-Ветлужского междуречья может рассматриваться тот факт, что к X в. юго-западная часть постазелинских (еманаевско-кочергинских) памятников прекращает существование [Голдина, 1999, с.325].

Данная концепция хорошо согласуется с материалами топонимики, фольклора и исторической лингвистики. На севере и северо-востоке Республики Марий Эл и в соседних районах Кировской области имеется довольно много марийских топонимов, содержащих формант *одо-* (мар. *одо*, *одо-марий* ‘удмурт, удмуртский’), в том числе около десятка средневековых городищ, называемых местными марийцами *одо-илем*, букв. ‘удмуртское жилище’. Среди яранско-уржумских марийцев и русских записаны предания о былом вытеснении марийцами удмуртов с правобережья Вятки. Среди удмуртов территориального объединения Калмез, проживавших в основном в бассейне р. Кильмези (левый приток Вятки), бытовали предания о том, что некогда их предки жили на правом берегу р. Вятки, но после столкновения с марийцами они были вынуждены покинуть эти края и перебраться на левобережье Вятки [Акцорин, 1980, с.4–5; Архипов, 1982, с.67]. На имевшую в прошлом место ассимиляцию предками марийцев каких-то групп пермян указывают и некоторые особенности марийского языка, позволяющие говорить о наличии в нем пермского субстратного слоя. Этот субстрат обнаружива-

ет себя и в лексике, и в морфологии, и в фонетике марийского языка. Особенно ощутимо пермское влияние в диалектах марийцев бывших Уржумского и Малмыжского уездов Вятской губернии [Bereszki, 1977; Казанцев, 1985, с.52–55, 102].

Вышеприведенные данные можно интерпретировать следующим образом. В эпоху раннего средневековья в Вятско-Ветлужском междуречье на территории современных Малмыжского, Уржумского, Лебяжского, Советского, Пижанского и Яранского районов Кировской обл. и Мари-Турекского, Сернурского, Ново-Торьяльского, Оршанского районов Республики Марий Эл обитали пермоязычные группы населения, среди которых в качестве самоназвания был распространен этноним **odo(-mort)*, букв. 'человек (из племени) *odo*'. Во второй половине I тыс. и на рубеже I–II тыс. происходило постепенное вытеснение и частичная ассимиляция этих групп пермян предками марийцев, которые тогда же заимствовали из языка этих пермян их самоназвание – **odo*. Вытесненные на левобережье Вятки пермские (древнеудмуртские) группы заселяют ее левые притоки, прежде всего бассейн Кильмези, и постепенно проникают на севере до бассейна Чепцы (совр. Унинский район Кировской обл. и Глазовский район Удмуртии), а на юге – до бассейна р. Иж (совр. Малопургинский район Удмуртии). В места своего проникновения эти группы приносят и этноним **odo*, постепенно распространяя его, таким образом, по всему праудмуртскому ареалу. В конце концов древний этноним **odo* > *уд(мурт)*, букв. 'человек (из племени) *уд*' получил всеудмуртское распространение и стал самоназванием консолидирующейся удмуртской народности [Белых, Напольских, 1994].

Новая страница в истории Вятского края открывается на рубеже XII–XIII вв. с проникновением сюда первых славяно-русских переселенцев. Вопрос о времени появления славян в бассейне Вятки на протяжении долгого времени оставался дискуссионным. Камнем преткновения в этой дискуссии являлась степень достоверности знаменитой «Повести о стране Вятской» – литературного памятника летописного типа, составленного не ранее XVII в., но, возможно, с использованием более древних документов, не сохранившихся до наших дней. Согласно «Повести...», отряд новго-

родских ушкуйников проник в 1174 г. по Волге на Каму, а позднее спустился на своих судах вниз по р. Чепце к р. Вятке, где новгородцы покорили живших по этим рекам «чудь и отяков», построили в 17 верстах ниже устья Чепцы на случай «нашествия супостат иноверцев чуди и отяков и черемисов и иных народов град Хлынов» и «начаша общежителствовати самовластвующе» [Луппов, 1958; 1999, с.19–20]. Ученые, считавшие сведения этого источника вполне достоверными, относили время появления славянских поселенцев на Вятке к концу XII в., а исследователи, отрицавшие достоверность сведений «Повести...», датировали время появления русских на Вятке XIV столетием, т.е. временем первых упоминаний Вятского края в русских летописях.

Лишь привлечение археологических материалов, появившихся в результате проведения масштабных раскопок древнерусских поселений и могильников на Вятке во второй половине XX в., позволило уточнить дату начала славяно-русской колонизации этого региона. В коллекции находок с русских памятников бассейна Вятки наиболее древними являются вещи, датируемые XII – первой половиной XIII в. Важно отметить, что характер большей части данных находок общерусский, что не позволяет связывать их с каким-то одним конкретным регионом Руси. По всей видимости, следует говорить о притоке славянского населения из разных русских земель, но – прежде всего, с территорий Новгородской земли и Ростово-Суздальского княжества [Макаров, 2003, с.40].

Конец I – начало II тыс. в истории Древней Руси характеризуются интенсивным освоением земель, лежавших к востоку и северо-востоку от ее границ. Все возрастающая потребность в пушнине стимулировала организацию Великим Новгородом в XI–XIII вв. многократных крупных походов на европейский северо-восток и в Зауралье. К началу XII в. новгородские поселения достигают Подвинья, а со второй половины XII в. русские поселенцы начинают проникать в бассейны рр. Юга, Вычегды, осваивают Волго-Вятское междуречье, появляются даже на территории Волжской Булгарии. Освоение новых земель было ознаменовано соперничеством между новгородцами и ростовцами, в ходе которого ростовцам удалось закрепиться

в верховьях Северной Двины, где в 1178 г. ими была заложена крепость Гледень, а несколько позднее – г. Великий Устюг. Проникновение славян на Вятку было, по сути дела, продолжением этого колонизационного движения. Русские вятские поселения в XII–XIII в. охватывали бассейн среднего течения Вятки от устья р. Летки до рр. Вои и Уржумки. Наряду с целенаправленным освоением территории, сопровождавшимся строительством городов и крепостей, налицо была и стихийная крестьянская колонизация [там же].

На основании сведений целого ряда письменных источников, а также многочисленных и разнообразных фольклорных, топонимических, лингвистических и археологических материалов можно заключить, что взаимоотношения пришельцев и местного населения на первых порах были напряженными и даже порой враждебными. Предания вятских русских и удмуртов, некоторые письменные источники сообщают о военных стычках между русскими и предками удмуртов, иногда привязывая их к конкретным археологическим объектам (Вятское, Никульчинское, Подчуршинское, Котельничское и другие городища). По мнению Л.Д.Макарова, в дальнейшем русским поселенцам удалось установить преимущественно мирные отношения с туземным населением, что также нашло отражение в археологических материалах и в письменных источниках. Одним из результатов этого взаимодействия стало то, что уже к началу XVII в. значительная часть вятских пермян (удмуртов и, возможно, каких-то других пермоязычных групп) растворилась среди местного русского населения [Макаров, 1999, с.115–116; 2001а, с.22–38; 2003, с.41].

Удаленность Вятского края от коренных древнерусских земель, известная его изолированность неизбежно ставили его в особое положение в сравнении с другими русскими землями. Можно с уверенностью предполагать, что в домонгольское время Вятка не имела сколько-нибудь прочных связей с какими бы то ни было русскими княжествами и землями. По-видимому, такая отстраненность от остального русского мира в последующие времена (в XIV–XV вв.) сыграла свою роль в весьма независимом и часто даже враждебном отношении вятчан к другим русским землям и складывающемуся Русскому централизо-

ванному государству. Русское население Вятского края в домонгольское время не было объединено в рамках какой-то единой государственной или политической структуры, а группировалось преимущественно вокруг двух относительно самостоятельных волостных центров – гг. Никулицына и Котельничка. Третьим очагом русского расселения в бассейне Вятки, выделяемом по данным археологии, был бассейн р. Пижмы (правый приток р. Вятки) [Макаров, 2003, с.40–41].

Лишь после монгольского нашествия на Восточную Европу и последовавшего за ним значительного притока русского населения на Вятку здесь окончательно оформляется самостоятельный и относительно единый политический и экономический организм – Вятская земля. Л.Д.Макаров, основываясь на данных «Повести о стране Вятской», а также на некоторых археологических наблюдениях, пришел к заключению, что Вятская земля сформировалась в результате договора между Никулицыным и Котельничем об объединении и постройке столицы Вятской земли – г. Вятки (Хлынова) в середине XIII в. По мнению этого ученого, Вятская земля была феодальной вечевой республикой (по типу Великого Новгорода), управляемой местным боярством, земскими воеводами и ватаманами. Впрочем, судить о структуре управления и социальном составе Вятской земли пока еще очень сложно, т.к. эти аспекты лишь бегло упомянуты в единственном источнике – грамоте митрополита Ионы, направленной на Вятку около 1452 г. [там же].

В отличие от Л.Д.Макарова, предполагающего вечевое устройство Вятской земли, В.В.Напольских, учитывая отсутствие источников о собственно феодальной организации вятского общества и о республиканских институтах, предлагает использовать в отношении населения Вятской земли и его социально-политической структуры термин *предказачество*. По его мнению, источники формирования населения (выход на «вольные земли» на окраинах Руси), образ жизни (сочетание крестьянского хозяйства с военной активностью и соответствующей организацией, охватывавшей, видимо, все мужское население) и политическая организация (известно мало, но во всяком случае речь идет об отсутствии у вятчан единоличной власти и нали-

чии руководителей, так или иначе опирающихся на одобрение со стороны вольницы) вятчан XIV–XV вв. и казаков XV–XX вв. были близки. Отличие, которым обосновывается приставка *пред-*, состояло в том, что вятчане не состояли на службе у государя в силу отсутствия такового.

Хозяйственная деятельность вятчан существенно не отличалась от хозяйства жителей других древнерусских земель лесной полосы Восточной Европы. Основой сельского хозяйства были земледелие и скотоводство. Судя по материалам раскопок, на Вятке выращивались рожь, пшеница, овес, ячмень, полба, гречиха, горох, бобы, лен, конопля. На раскопках вятских поселений обнаружено большое количество костей домашних животных. В костном материале численно преобладают кости крупного рогатого скота и свиней, в меньшем количестве встречаются кости лошади и мелкого рогатого скота. Помимо земледелия и скотоводства, существенное место в хозяйстве жителей Вятской земли занимали охота (прежде всего на пушного зверя), рыболовство и, вероятно, бортничество [Макаров, 1995, с.27–29; 2001а, рис.51: 1–6]. В археологическом материале вятских городов и некоторых сельских поселений отмечены следы бытования различных ремесел: металлургического и кузнечного, ювелирного, деревообрабатывающего и гончарного. Пока еще крайне мало известно о развитии книжной и письменной культуры в Вятском крае. Однако факт находки трех металлических писал XIII–XV вв. на Ковровском и Никульчинском городищах говорит о наличии грамотных людей среди вятчан, по крайней мере, среди городского населения [Макаров, 1995, с.31].

Переходя к вопросу о торгово-экономических и других связях вятчан с Волжской Булгарией, необходимо прежде всего заметить, что вопрос этот остается еще малоизученным. В условиях практически пол-

ного отсутствия письменных источников, имеющих отношение к данной проблеме, остается использовать археологические материалы. Нужно сразу же оговориться, что болгарских материалов, обнаруженных в ходе раскопок поселений Вятской земли, имеется очень немного. Большая их часть относится уже к более позднему, ордынскому, периоду истории. Лишь сравнительно немногочисленные находки болгарского происхождения, а также попавшие на Вятку через возможное болгарское посредство и датируемые в широком временном диапазоне от X до XV вв. теоретически могут быть отнесены к вещам болгарского импорта домонгольского времени. К такому археологи относят медную бляху, украшенную арабской вязью и растительным орнаментом, найденную на территории Хлыновского кремля и предположительно датируемую XIII–XIV вв., фрагменты бронзовых замков с Ковровского городища, изготовленные в Волжской Булгарии и бытовавшие там в X–XIV вв., фрагменты керамики болгарского и нижневолжского происхождения, датируемые XIII–XV вв. или возможно даже более ранним временем, и некоторые другие находки [Макаров, 2001б, с.143–147]. Остается лишь констатировать, что болгарский материал в археологии Вятской земли гораздо беднее синхронного ему материала памятников полемско-чепецкой культуры, где в слоях XII–XIII вв. болгарские находки составляют весьма значительную часть извлеченных из земли предметов.

Таким образом, взаимодействие славянского населения Вятки с Волжской Булгарией в домонгольское время прослеживается очень слабо. Можно предполагать, что, в отличие от чепецкого населения и населения юга Камско-Вятского междуречья, вятчане сохраняли полную экономическую и политическую независимость от Булгарского государства.